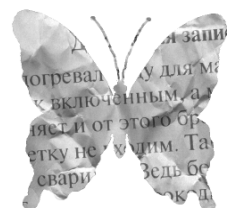

Самоубийство

Юрий Нестеренко

ФАНТАСТИКА

Карл бежал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Почтенная толстая дама с ключами в руках, выбравшаяся задом из своей квартиры на площадку второго этажа, посмотрела на него сперва с явным испугом, а затем, разглядев его сияющую физиономию, с укоризною: приличный молодой человек, а ведет себя, как мальчишка! Карл еле удержался, чтобы не показать ей язык. Он был счастлив и не считал нужным этого скрывать. Да, да! Розмари сказала ему «да!». Это будет лучшее Рождество в его жизни!

У двери своей квартиры на шестом этаже он даже испытал мимолетное сожаление, что живет так низко. Ему хотелось взбежать на самый верх, до неба! Однако, отперев замок, он все же почувствовал, что запыхался, а к тому же вдруг стало жарко. Карл принялся поспешно расстегивать пальто и вытер концом шарфа вспотевшее лицо. Затем зажег свет в прихожей, взглянул на себя в зеркало и старательно пригладил взъерошенные волосы. Хорош, что ни говори, хорош! Хотя, конечно, подбородок он предпочел бы помужественней. (Карл выпятил нижнюю челюсть и покрутил головой, оценивая такого себя.) И эта дурацкая родинка над левой бровью... Но в любом случае он выглядит симпатичней, чем зануда Макс, который, между прочим, уже начинает лысеть и в тридцать лет наверняка будет сверкать плешью! И что только Розмари в нем нашла? Точнее, находила, ибо теперь-то, теперь!..

Карл даже не ожидал, что борьба окажется столь долгой. Ведь это был даже не классический треугольник. Макс и не пытался делать вид, что влюблен в Розмари. Приятельские отношения, длящиеся со времени совместной учебы в университете, вот и все. Он с удовольствием уплетал пирожки, которые она пекла для него, но принципиально не усматривал в этом никаких намеков. «Скажи ей прямо, что ты ее не любишь!» – требовал Карл, теряя терпение. «За что же мне не любить Розмари? – строил удивленную мину Макс, жуя пирожок. – Она довольно милая девочка». – «Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду! Она же влюблена в тебя!» – «Она? В меня? Брось, Карл, что за чепуха. Скажи лучше, ты читал в последнем номере «Вестника физики?»»

О, Карл отлично понимал, почему Макс так говорит, поскольку тот вовсе не был такой уж дубиной. Просто господин Молодого Гения более чем устраивало наличие в обозримой эpsilon-окрестности существа, всегда готового угостить его пирожком, пришить оторвавшуюся пуговицу, отвлечь веселой болтовней от мрачных мыслей о каком-нибудь не желающем браться интеграле или пустить на ночлег, когда он возвращался из лаборатории во втором часу ночи, уже после закрытия подземки (Розмари жила недалеко от института, а Максу нужно было добираться домой через весь город). Ночевки эти, насколько

ко знал Карл, оставались абсолютно целомудренными, да и вряд ли могло быть иначе: после шестнадцати часов работы Макс засыпал, прежде чем касался подушки.

Разумеется, Карл пытался все это втолковать Розмари. «Он же тебя не любит – просто использует!» – «Полубит!» – непреклонно отвечала девушка, и Карлу оставалось лишь вздыхать.

Перелом произошел два месяца назад, когда по институту прошел слух о грядущей реорганизации. Говорили, что должны сократить чуть ли не четверть персонала, зато остальным поднимут оклады. Первыми кандидатами на увольнение были, конечно, старички, а вторыми – пока не проявившие себя ничем особым молодые специалисты.

Макс сделал вполне определенные выводы. Теперь он перестал заскакивать к Розмари даже за пирожками, а в буквальном смысле дневал и ночевал в лаборатории, поставив там раскладушку. Карл понял: это шанс! Только Розмари и никаких других дел, даже невзирая на то, что начальник отдела все чаще посматривал на него неодобрительно. И крепость начала поддаваться! Сначала слабо, с чувством надуманной вины перед Максом, а потом...

И вот за день до Рождества случились три события. Усилия Макса были вознаграждены по достоинству: он получил должность начальника лаборатории. Карлу же вручили конверт с уведомлением, что руководство института более не нуждается в его услугах. Однако он огорчился всего несколько часов: в тот же вечер Розмари сказала ему «да».

Карл не сообщил ей о своем увольнении. Неприятности подождут, и вообще нет худа без добра. Он знает, на что потратить выходное пособие. Это Рождество и всю следующую неделю они с Розмари проведут на шикарном горнолыжном курорте! Уже куплены билеты, заказан номер в отеле. Там у них все и случится в первый раз, в праздничную ночь...

Однако, напомнил себе Карл, хватит стоять в пальто перед зеркалом – предаваться мечтам можно и в более комфортных условиях. Он разделся, переобулся в домашние туфли и шагнул в комнату – типовое холостяцкое жилище. И замер, сделав по инерции еще шаг.

Возле любимого кресла горел торшер, а в кресле сидел человек. Приглушенный абажуром свет падал на его лицо.

Многие авторы фантастических рассказов обожают писать в таких случаях: «Это лицо показалось ему очень знакомым, но он не мог вспомнить, где его видел». На самом деле это чепуха. Конечно, вид в зеркале отличается от реального, и все же собственное лицо человек обычно узнает сразу. И Карл не был исключением.

– Кто вы такой? – тем не менее спросил он.

– Ты прекрасно это знаешь, – усмехнулся двойник. – Не стой столбом, проходи, садись.

– Вы... ты... сидишь в моем кресле, – пробормотал Карл, не трогаясь с места.

– Ну разумеется, – кивнул гость. – Но видишь ли, это и мое любимое кресло. Так что будем считать, что я занял его как пришедший первым. Или как старший. Садись на стул.

– Старший? – У Карла промелькнула спасительная мысль о неизвестном ему брате-близнеце. Однако, черт, какой близнец, если он старший!

Он с трудом сделал несколько шагов и почти рухнул на стул. Теперь его и гостя разделял журнальный столик, на котором стояла початая бутылка шампанского и два бокала.

– Да, взял из твоего бара, – кивнул гость, проследив за взглядом Карла. – Я помню, ты купил специально к празднику... ну да ничего, наша с тобой встреча – это тоже событие, которое стоит отметить. Извини, что начал, не дождавись тебя, но это мы сейчас поправим. – Он извлек пробку и ловко разлил напиток по бокалам. – Бери, не стесняйся, тебе надо выпить, а то ты весь дрожишь. Ну, за встречу!

Карл проглотил шампанское залпом, почти не почувствовав вкуса, однако это позволило как-то прийти в чувство. Он еще раз внимательней оглядел гостя и понял, что тот, нет, все же не абсолютный двойник. Пришелец и впрямь выглядел старше, причем вид у него был какой-то пожеванный: брюки того же фасона и цвета, что у Карла, но изрядно поношенные; немодный, чересчур широкий клетчатый пиджак с кожаными заплатками на локтях; рубашка без галстука выставяла напоказ несвежий воротник. И еще: свет, падавший сбоку, позволял разглядеть первые морщины на лбу гостя и перхоть в сальных волосах.

– Давай еще раз. – Карл поставил бокал на столик и поморщился от шибанувшего в нос углекислого газа. – Кто ты такой?

– Я – это ты, – буднично ответил тот. – Только на четыре года старше.

– И как ты сюда попал?

– Нет, ты в самом деле болван! Открыл дверь своим ключом и вошел. Неужели трудно догадаться?

– Я не об этом.

– Ах, не об этом! Ты спрашиваешь меня, как я сюда попал! А ведь кому, как не тебе, следовало бы это знать. Если бы ты не был таким ленивым безвольным кретином...

– Слушай, прекрати ругаться!

– И не подумай! Каждый имеет право на самокритику. Тем более что она абсолютно справедлива. Кто, как не ты, еще на последнем курсе университета после обсуждения с Максом темпоральной гипотезы Манштайна пришел домой и за пару часов нашел решение, в принципе позволяющее описать путешествие в прошлое? Всего-то и надо было, что применить алгебру паракомплексных чисел! Правда, ты решил, что поскольку коэффициенты получаются паракомплексными, то никакого практического смысла это не имеет. Лишь голая математическая абстракция, которая подтверждает, что реальные путешествия во времени невозможны... Болван, болван! И ты еще мнил себя будущим ученым! Как будто любой первокурсник не знает, что обычные комплексные числа сплошь и рядом используются для описания реальных процессов и их абстрактность ни черта этому не мешает! – Разгорячившийся гость вновь наполнил свой бокал и залпом осушил его. – Тебе налить? – спросил потом. Карл коротко

кивнул, он чувствовал себя абсолютно трезвым. – На следующий день ты со смешком поведал Максу о своем решении и забыл об этом. Но Макс не забыл! О, можешь мне поверить: он не забыл! Нет, я не хочу умалять его заслуг. Скорее всего, рано или поздно он и сам бы допер. Он же такой умница, наш Макс! И способен работать по двадцать часов в сутки, в отличие от некоторых ленивых кретинов! К тому же от твоей догадки до полноценной теории, а от теории до работающей машины – две дистанции огромного размера. И тем не менее первым эту догадку высказал ты. И мог бы рыть в этом направлении дальше. Да хотя бы просто тиснуть статью, пусть в университетский сборник! Но тебе не хотелось возиться. Тебя уже тогда занимало другое, а именно сиськи и задница фройляйн Розмари. Только не надо рассказывать, что на самом деле тебя интересовала ее прекрасная душа! – рявкнул гость, видя протестующее движение Карла. – Уж мне-то можешь не врать!

Гость встал и прошелся по комнате.

– Сказать тебе, что было дальше? Сказать? Каждый получил свое. Макс – лабораторию, а ты – эту девку. Правда, ее сильно смутило, когда после ваших чудесных горных каникул ты все же сообщил ей, что потерял работу. Но она не стала брать своих слов назад и вышла за тебя замуж. Но ваш брак не продлился и двух лет: ты так и не нашел себе приличной работы, перебивался случайными заработками, а она попрекала тебя этим чуть ли не каждый день... В общем, однажды, придя домой, ты застукал ее с неким преуспевающим журналистом, а Розмари без малейшего смущения поинтересовалась у тебя, на чьи деньги ты живешь последние четыре месяца. Ты конечно же устроил скандал и выгнал ее вон... А Макс тем временем построил Машину. Теперь он – великий человек: самый знаменитый ученый в мире, самый молодой лауреат Нобелевской премии.

Гость снова уселся в кресло и продолжил:

– В конце концов, почти дойдя до поиска объедков в мусорных баках, ты приполз к нему на четвереньках, умоляя по старой памяти взять на работу. Макс посмотрел на тебя, как санинспектор на дохлую крысу, и сказал, что вообще-то его штат укомплектован, да и ты четыре года провел вне физики, безнадежно отстал от жизни, но так уж и быть, в память об университетской дружбе он возьмет тебя лаборантом на полставки. Однако до первого нарушения трудовой дисциплины. И ты, конечно, благодарил и клялся, что нарушений не будет.

– Не я, – хрипло произнес Карл. – Ты!

– Я, ты – какая разница? Все равно главные глупости ты уже сделал, так что нечего валить вину на меня.

Карл подумал, что разницы и впрямь нет. Его счастливое настроение уже давно улетучилось без следа, и теперь он почувствовал себя таким же пожеванным жизнью, как и его гость. Может быть, даже больше. Старше не на четыре года, а на все сорок.

– И тебе удалось обманом воспользоваться Машинкой, – не столько спросил, сколько констатировал он.

– Да. Там очень строгий контроль, но хотя бы это я сумел.

– Почему ты не выбрал время пораньше, то есть не предупредил меня еще до того, как я вылетел с работы?

– Увы. Мощность Машинки ограничена, и на более длинный прыжок мне просто не хватило бы энергии.

– Так ты прибыл, чтобы рассказать мне хронотеорию?

Чтобы я, а значит, и ты, сумел опередить Макса? – Мысль показалась обнадеживающей, но почему-то, произнося это, Карл-младший не ощутил душевного подъема. У него сейчас не было настроения вникать в сложные физико-математические построения. Он предпочел бы завалиться спать часов на двенадцать, и желательно без сновидений. Розмари... как она могла?..

– Не совсем так, – усмехнулся Карл-старший. – Хотя отчасти ты прав. Я расскажу тебе суть хронотеории. Коротко, просто и без формул, если ты не возражаешь.

– Да, без формул. Я не в форме сейчас.

– Хорошо, у меня опыта больше, – кивнул старший. – Так вот. Старая добрая аналогия времени с рекой, как ни странно, оказалась близка к истине. Время – это поток. С той разницей, что, находясь в этом потоке, нельзя двигаться ни быстрее, ни медленнее него – только дрейфовать по течению, что мы все и делаем. Релятивистское замедление – разговор отдельный, оно связано с субъективным восприятием времени, а не с объективной скоростью потока. Но из этого потока можно выскочить, как рыба из воды. Для полноты аналогии представь себе, что воздух над рекой обладает анизотропной сверхвысокой плотностью в горизонтальном направлении. То есть продольная инерция сразу гасится, и, прости за тавтологию, выскакивающий выскакивает вертикально относительно берегов. На самом деле, конечно, никаких берегов нет – как и воздуха, и инерции. Высота, на которую выпрыгивает наша рыбка, зависит, естественно, от затраченной на прыжок энергии. Но рано или поздно эта наша рыбка все равно шлепнется обратно. Но не в ту же самую воду.

Карл-младший широко зевнул.

– Тебе неинтересно? – осведомился старший.

– Интересно, конечно. Продолжай.

– Классики и тут были правы: в одну реку нельзя войти дважды. Поток течет под рыбой, пока та находится вне его, так что после падения она окажется в той воде, что прежде была позади нее. Насколько далеко? Насколько высоко прыгнула... Теперь самое важное. Собственно, ты и сам уже мог бы это вывести из моих слов. Путешествия в будущее принципиально невозможны. Ни для материальных объектов, ни для каких-нибудь там причинно-следственных волн. Поэтому все парадоксы, которые ставили в тупик фантастов – полная чушь. Ты можешь сколь угодно изменять прошлое, однако на настоящем и будущем это не отразится. Точнее, отразится, но не на твоем участке потока, а на том участке, где произошло изменение.

– Ну и?

– Представь, что ты плывешь на плоту и стреляешь из базуки в дерево на берегу за кормой. Оно падает в воду на то место, где твой плот был минуту назад. Ну и что? Тебе оно никак повредить не может: ты уже впереди. И волна от падения дерева распространяется ровно с той же скоростью, с какой течет река, несущая твой плот. Поэтому она может сколь угодно пениться у тебя за кормой, но плот не достигнет. Еще. Можно отправить на микросекунду в прошлое бомбу, которая взорвет Землю. И человечество с этого момента будет жить в одной микросекунде от уничтоженной Земли, но даже не заметит этого. Потому что все, оказавшееся в прошлом – естественным путем или с помощью Машины, – навсегда там и останется и не сможет вернуться вперед по потоку. Создатели бомбы убьют себя-прошлых, но это не помешает им существовать в настоящем.

Карл-младший мог возмущаться тем, что ему, дипломированному физику, все разжевывают на таком примитивном уровне. Но с другой стороны, он понимал, что сейчас он не столько физик, сколько усталый человек, в один день потерявший любовь и работу, а вдобавок еще перебравший шампанского. Надо было собрать волю в кулак.

– Значит, ты не сможешь вернуться в свое время?

– Разумеется.

– Но... как же мы тогда...

– Мы?

В этот момент зазвонил телефон.

– Я возьму, – решительно сказал Карл-старший, направляясь к аппарату. Младший попытался вяло протестовать, хотел приподняться со стула, но у него закружилась голова.

– Привет, милый, – проворковала трубка.

– А, Розмари! – осклабился старший. – Маленькая сучка Розмари! Вот что я скажу тебе, шлюха: забудь номер этого телефона!

– Я... я, кажется, не туда...

– Туда, туда ты попала! Только не пытайся попасть сюда когда-нибудь еще! Я все о тебе знаю, даже то, что ты еще сама о себе не знаешь! Катись ублажать хоть Макса, хоть всю редакцию «Столичного обозревателя»! – И старший швырнул трубку на рычаг.

– Что ты наделал! – простонал Карл-младший.

– А что не так? Я же рассказал тебе, что она собой представляет. Неужели ты еще на что-то надеялся? Значит, ты куда тупее, чем мне казалось.

– Убирайся!

– Не понял! Вообще-то это мой дом. Могу предъявить соответствующие документы.

– Меня тошнит от тебя!

– Не от меня, – сказал Карл-старший серьезно. – От вина. Видишь ли, алкоголь сокращает жизнь. Особенно отравленный. Дело в том, что я, хорошо знающий хронотеорию, действительно прибыл сюда, чтобы опередить Макса. Не того, который остался в будущем, а того, который здесь, в настоящем. Ну и плюс к тому стандартные штучки типа знания курсов акций и результатов скачек... Но вот ты в эти мои планы как-то не вписываешься. Чтобы я занял твое место, ты должен его освободить.

– Ты... – Карл-младший снова попытался подняться, и на сей раз ему это удалось. Но в глазах тут же потемнело, и он осел на пол, так и не дотянувшись до врага. Потом пробормотал: – Ты же сам пил.

– О да, отличное шампанское. Яд был на ободке твоего бокала. – Старший усмехнулся и продолжил: – Как я намерен избавиться от трупа? Очень просто. Ты, верно, не обратил внимания вот на это. – Он кивнул на дальний угол комнаты, где в полумраке стоял продолговатый металлический ящик с четырьмя ручками и значками радио-

ФАНТАСТИКА

активной и химической опасности на боках. – Да, тяжеленная хреновина, еле допер. Это портативная машина времени. Ее мощности вполне хватит на переправку тела твоей массы в прошлое на девять микросекунд. Мне этого более чем достаточно... Что? Ты хочешь спросить, почему бы мне не отправить тебя живым? Нет, не из желания отомстить за все сделанные тобой глупости, хотя признаться, они меня здорово злят. Просто портативная машина не предназначена для пересылки живых образцов, в ней есть блокировка, и я не знаю, как ее отключить.

Карл-младший что-то пробормотал: то ли «убийца», то ли «ублюдок». А старший продолжил:

– Знаешь, человек может сильно измениться за четыре года, особенно за такие, которые выпали мне. Они многих могли бы довести до самоубийства. Так что здесь я не оригинален. Оригинален способ, который принесет мне не небытие, а славу и богатство. А ты... ты для меня всего лишь дурное воспоминание.

Человек, распростертый у его ног, не двигался. Карл подождал для верности еще пару минут, затем усмехнулся: «Не каждый может похвастаться тем, что видел собственный труп!» – и пошел к продолговатому ящику. Распаковка и настройка заняли несколько минут. Затем Карл стянул с трупа пиджак и брюки (пригодятся, прежде чем он купит себе новый костюм!), ради компактности придал телу позу эмбриона и вложил в мертвую руку отравленный бокал. Иных улик, от которых стоило избавиться, не было. Карл еще раз сверился с цифрами на небольшом экране и нажал красную кнопку.

Свет мигнул и погас. Это установка разом высосала сотню киловатт из городской сети. Когда торшер вновь засветился, Карл сказал:

– Вот и все. Так просто.

В бутылке еще оставалось шампанское. Он наполнил свой бокал, но вдруг раздумал пить и вышел в прихожую. Зажег там свет, критически осмотрел себя в зеркале. Хорош. Нет, и вправду хорош. Голову только надо вымыть. А родинку он все-таки удалит. Да и вообще он вскоре сможет с легкостью оплатить любую косметическую операцию.

– Твое здоровье, Карл! – И чокнулся со своим отражением в зеркале.

Он прошел обратно в комнату и замер в недоумении.

На журнальном столике, возле пустой бутылки, стояла аккуратная коробочка, явно подарочная, перевязанная красной ленточкой с бантиком, а под ленточку просунута яркая рождественская открытка. Еще несколько минут назад этой коробочки тут, разумеется, не было. «Я слишком много выпил?» – мелькнула растерянная мысль. Выпил он и впрямь больше обычного, но ведь это было шампанское, а не ЛСД.

Карл подошел к столику, взял открытку и развернул. Изнутри она была испещрена мелким шрифтом.

«Привет, Карл! Надеюсь, ты догадался, кто тебе пишет? Я – это ты, только на сорок лет старше.

У тебя все получилось. Ты стал отцом хронотеории, нобелевским лауреатом и весьма богатым человеком. А что с Розмари, я не знаю. Честно, ни разу не интересовался. Я теперь женюсь исключительно на фотомоделях и выношу их, когда они мне наскучат.

Макс... нет, он не роется в мусорных баках. Преуспевающий ученый, академик, директор института. Но все же его слава несравнима с моей, даже несмотря на то что мне больше не удалось совершить в физике ничего столь же выдающегося, как хронотеория. Хотя, по правде говоря, после бума сорокалетней давности слава физики вообще несколько потускнела.

Сейчас у всех на устах молекулярная биология. Точнее, ее синтез с нанокрибернетикой. Знаешь, этим ребятам действительно удалось добиться потрясающих результатов. Это называют величайшим достижением человечества, и я согласен. Потому что они открыли путь к бессмертию. В самом прямом, физическом смысле. Не к вечной дряхлости, а к вечному здоровью. И скоро это будет доступно всем желающим. Даже не понадобятся мои миллионы: технология, при массовом ее внедрении, обещает быть весьма дешевой, и соответствующие законы уже приняты. Конечно, будут определенные ограничения – например, обязательная стерилизация для желающих стать бессмертными. Ну да сам понимаешь, меня это не беспокоит.

Однако пока есть одна загвоздка. Эта технология отработана только на мышах. Для того чтобы ее реализовать на людях, понадобится, по всем прогнозам, три года, ну четыре. Но у меня уже нет времени, Карл: врачи дают мне максимум пять месяцев. У меня рак мозга, и никакие деньги и слава тут не помогут. Если бы не твоя идиотская идея с прыжком в прошлое, я был бы сейчас на четыре года моложе – то есть никакого рака! Пусть фактически никто, почти нищий, пусть. Но я бы дожил!

Разумеется, я пишу это не для того, чтобы тебя предупредить. Даже если ты что-то исправишь в прошлом, мое настоящее никак не изменится. Но ты – виновник моей смерти, кретин! Ты отнял у меня вечность, и не думай, что это сойдет тебе с рук! Я все про тебя знаю, включая скорость твоего чтения, и точно настроил таймер. Как только ты дочитаешь эту открытку, бомба в коробке взорвется. С Рождеством!»

